

УДК 316.72
ББК 71.05

И. В. Никитина

ИСКУССТВО КАК ЗНАНИЕ О МЕНТАЛИТЕТЕ И ЦЕННОСТЯХ КУЛЬТУРЫ

На примере сравнительного анализа сюжетов, мотивов, типов героев, моделей характеров ряда литературных произведений (научно-фантастических, исторических, авантюрных) показаны различные ценностные основания национальных картин мира: русской/советской и американской. Обсуждаются аспекты методологии изучения общественного сознания современности путем коллективных усилий представителей различных гуманитарных наук.

Через систему форм общественного сознания социокультурная реальность осознается, благодаря общественной психологии она «переживает» и оценивается. Функция оценки завершается идеологией. Искусство моделирует всю систему. Именно поэтому так тесно взаимосвязаны искусство, обыденное сознание, менталитет и ценности культуры.

Искусство ставит проблемы смысла жизни не только личности, но и нации, сознательно утверждая базовые, коренные ценности, без которых существование данной культуры невозможно. Но глубинные основы национального мировидения и черты обыденного сознания могут также отражаться в искусстве бессознательно (присутствуя в художественной речи и системе образов). Оттенки значений могут быть, опять-таки бессознательно, изменены переводчиком¹. Развитие сюжета, характер или тип представляют материал, менее зависимый от перевода, нежели оттенки речи (своего рода инвариант).

Чтобы убедиться в этом, сопоставим произведения с аналогичными сюжетами². Национальная картина мира может быть открыта (с точки зрения ее ментальности) даже в таком, на первый взгляд, далеком от повседневности жанре, как научная фантастика.

Тема «космического Маугли» привлекла внимание советских писателей братьев Стругацких и американца Р. Хайнлайна³. И в советской повести, и в американском романе действие начинается с того, что экипаж землян находит на чужой планете ребенка, спасшегося после гибели звездолета родителей и воспитанного чужой цивилизацией, кото-

рая развила у «приемыша» способности и стиль мышления, отличные от земных, но необходимые в новых условиях. В среде землян «Маугли»⁴ чувствует себя чужим среди чужих, ибо ментально (а у Стругацких и физически) он – человек и не-человек одновременно. Он оказывается в роли посредника, эталона для сравнения цивилизаций – земной (в советской повести – коммунистической, в американском романе – капиталистической, но единой в обоих случаях для всей планеты) с цивилизацией инопланетян. Ситуация «контакта» создает особую повседневность. Это выявляет шкалу ценностей героев и стоящих за ними вариантов бытия (идеализированных и доведенных до планетарного масштаба образов жизни «при коммунизме» и «как на Западе, в США»).

Завязка (причина аварии) **в советской повести** вытекает из рудиментов индивидуализма. Родители малыша предпочли «свободный поиск», самостоятельный полет на корабле по собственному маршруту, и попали под удар, ибо с точки зрения автоматов одиночный корабль мог быть только автоматическим зондом, подлежащим уничтожению. Цивилизация Странников, оставившая «охранный автомат», считала злом насильственный контакт с цивилизацией планеты. Родители Малыша, Семеновы, пошли на риск и проиграли. Сохранив свою анонимность для Малыша, люди древней цивилизации сумели спасти ребенка и развили его разум. **В американском романе завязкой** служит «роковой треугольник». Один из космонавтов женится на нелюбимой женщине, чтобы уйти в престижный полет, а затем соблазняет жену одного из членов экипажа. Так вырисовываются основные (для американского общества) темы: «секс» и «карьера» как мотивы действия героев и пружины бытия.

Американский роман переносит в пределы космоса историю Америки. Первопоселенцы стремятся колонизовать планету Марс. Марсиане подсылают лазутчика (шпиона, разведчика, датчика информации) – потомка землян, погибших в катастрофе, также воспитанного инопланетянами. Он – орудие, которое каждая из сторон использует для себя. Он (а отнюдь не аборигены) считается законным собственником Марса (как наследник членов экипажа).

Познакомившись с ценностями и обычаями земной цивилизации в американском варианте, Майкл убеждается в их изменности и «перевоспитывает» часть землян, создавая «гнездо» марсианского типа – церковь, общину и семью одновременно. В советской повести завязка наступает тогда, когда земляне поднимаются на новую ступень гуманизма, увидев в малыше не аномалию и повод для вмешательства, а уникальную цивилизацию, собеседника и друга.

Так в развитии сюжета из одной и той же точки проявляется ментальное различие советского и американского общества, причем установки, которыми руководствуются персонажи, являются самоочевидными для персонажей (как и адресатов) произведений и представляют менталитет своих культур.

Ценностный дуализм проявляется и в отношении к женщине. Для персонажей повести Стругацких женщина (Майя Глумова) – товарищ⁵. Она равна мужчинам функционально, но отличается эмоционально. Мужчины по отношению к ней проявляют рыцарские чувства⁶. Одежда упоминается лишь тогда, когда это нужно для того, чтобы отличить

реальных людей от фантомов⁷; символом секса она не служит. В американском романе сексуальность – синоним человечности, порнография и стриптиз гуманны, а моральные ограничения, накладываемые на личность – мужчину или женщину – воспитанием, семьей и религией, – ханжество.

В американском варианте будущего духовная сторона может вырастать из секса, но может и отсутствовать, это не препятствие для естественного человеческого поведения⁸. В этом плане советская версия ближе к русскому мировосприятию, так как в русском искусстве из века в век духовность есть признак человечности, и естественное человеческое поведение не противоречит этому. Отношение к женщине у персонажей советской повести лишено как голый чувственности, так и снисходительности к «слабому полу»⁹.

Труд для американцев – средство достижения богатства, которое, в свою очередь, средство достижения счастья чувственной любви, для которой секс – и альфа, и омега. Для коммунистического общества труд – средство самореализации личности, он придает ее жизни смысл. Рейтинг ценностей (и их истолкование) в американской и советской цивилизациях различны, причем их соотношение воспринимается как самоочевидное, то есть является ментальным, как стереотип социальной психологии.

Еще одно ментальное отличие связано с законами взаимодействия людей. Для человечества в американской версии и в отдаленном будущем нормой будет конкуренция и агрессия против слабых, сила – основание для права, выгода – двигатель прогресса. Эти свойства американцами воспринимаются как неотъемлемые стороны природы человека. Поэтому если земляне и отказываются от перспективы войны за Марс, то не из уважения к марсианской цивилизации, а из страха перед ее могуществом. Если марсиане не уничтожают землян, то лишь потому, что в данный момент земляне (и планета) им неинтересны.

Не конкуренция, а взаимопомощь, долг сильного перед слабым и потребность в общении являются основными мотивами действия и законом жизни в советской повести. Словом, люди у Стругацких больше похожи на ангелов, чем «Старшие братья» (у марсиан) и ангелы (у землян) в романе Хайнлайна. Даже не упоминающее о религии коммунистическое общество в советской повести ближе к системе ценностей мировых религий (по бесстрастности – к буддизму, по аскетизму и примату духовности, отношению к труду – к христианству и исламу), чем отвергающее аскетизм, ищущее смысл жизни через церковь и религию общество американцев. Близость коммунизма к мировым религиям здесь проявляется вопреки идеологии атеизма, бессознательно, то есть является ментальной.

Для советской повести (коммунистический вариант) характерно отношение к людям (и цивилизациям) как к равным, но не одинаковым. Люди отличаются как личности, а цивилизации – как культуры, представляющие разные типы мышления и психологии. Они не конкурируют, а либо стремятся к взаимопониманию (вступая в контакт), либо отказываются от этого. Сохранение самобытности культур и незыблемость права на свой образ жизни принимаются как аксиома. В американской версии, напротив, доминирует убеждение в агрессивности природы человечества и неизбежности войны культур и цивилизаций. Цивилиза-

ции оцениваются по степени схожести на Америку как «лучшие» или «худшие». Убеждение в своем превосходстве и праве на суд над другими никак не мотивируется, но постоянно присутствует в романе¹⁰. Это ментальная черта американцев.

Итак, информация об общественном сознании и общественной психологии, ценностях и нормах в искусстве есть, причем такая, которую нельзя (или сложно) получить иным способом. Это информация о ментальных основаниях культуры и истолковании ценностей под углом этих ментальных оснований.

Более сложной является задача использования искусства как знания об обыденном сознании. Поскольку последнее вплетено в ткань повседневной жизни, социологическая структура общества становится основанием для анализа его ценностей, и, наоборот, ценности и духовная атмосфера воплощаются в институтах, то есть реальность моделируется как социокультурная, а не чисто социальная или чисто духовная.

Давая художественную реконструкцию образа жизни и мысли предков или культур иных народов, искусство моделирует мир двояким образом: вначале как мир образов, или мир вымысла (мир «фиктивный»), а затем, став частью духовной жизни общества и повседневного досуга, как источник ценностей и социальных норм. Давая опыт жизни в «ином мире», искусство может шаг за шагом закладывать в обыденное сознание видоизмененную картину мира как истинную, так и ложную. При наличии временной дистанции между повседневным опытом публики и объектом изображения в искусстве псевдоисторические произведения могут быть приняты за исторические сознанием публики. Это касается и литературы, и кино, и всех популярных искусств.

Романтизация прошлого может быть оправдана, если в обыденное сознание как часть общественного сознания благодаря этому закладывается опыт чистых чувств (верной любви, чести, верности, умения держать слова), даже если картина исторических событий искажена. В истинности чувств и идеалов, возвышающих человека, есть своя художественная правда¹¹.

С другой стороны, популярность подобных произведений косвенно служит симптомом неудовлетворенной потребности в подобных ценностях. Это косвенное свидетельство дефицита в обществе позитивных сдвигов, кризиса идеалов, или, по крайней мере, разрыва между возможностями обыденного сознания увидеть в повседневности нечто, достойное подражания, и идеалами, которые общество пытается воплотить.

Мы не будем рассматривать ситуацию с откровенной фальсификацией истории средствами искусства, ибо это выходит за границы «художественной правды». В американском и современном российском масскультуре примеров этого не счесть. Более сложный случай представляет жанр приключенческого исторического романа (типа сериала «История Руси» Ю. Никитина).

Здесь нет прямого подлога, как в фильмах типа «Золото партии», но русская история подгоняется под нормы аналогичного жанра в западной литературе. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить подход к изображению истории в романах Л. Ламура¹² и в сериале Ю. Никитина¹³. По многим пунктам их картины мира совпадают. Ислам и иудаизм представлены в розовых тонах. Западное язычество восхваляется, а русское пока-

зано как вакханалия грубости, жестокости и произвола. Христианство отрицается и западное, и восточное, причем с постоянным акцентом на «рабстве духа», якобы присущим исключительно христианству. Личность рассматривается как сила, способная менять историю, и только в этом случае достойная уважения. Сочувствие к слабым отсутствует, как и осуждение насилия. Доминирует принцип: сила есть право. Оправдывается не только насилие, но и коварство, обман. Спекуляции, торговля и война представлены как занятия, наиболее достойные человека. Любовь подается как романтическая страсть, роковая сила и животное влечение.

Так, князь Владимир, оказывается, крестил Русь исключительно из любви к принцессе Анне, дочери византийского императора, хотя сам он предпочитал ислам (что, впрочем, неудивительно, если учесть, как он относится к женщинам, походя, если верить роману, их насилуя направо и налево). Роковое, но отнюдь не только романтическое, чувство здесь связано с сюжетной линией Владимир – Анна, а отношения со всеми остальными вполне укладываются в американскую парадигму секса как доминанты общества.

Русская история становится носителем американской ментальности. Карьера, секс и деньги доминируют как мотивы действия. Принцип служения сохраняется только как личный выбор отдельных персонажей¹⁴. Но и в этом случае собственно служение является формой самореализации, экзистенциальной ценностью личности, а не социальной нормой. На наш взгляд, налицо попытка трансформировать не только обыденное сознание, но и менталитет народа. Духовность отрицается как ценность. Русская традиция перечеркивается, но это делается неявно и маскируется под ее защиту.

Романы такого рода вкупе с криминальным детективом уже вошли в повседневный опыт русской публики, составляя ее духовную пищу. Трудно сказать, каков будет итог. Возможно, возьмет верх менталитет, и тогда «бестселлер» «очеловечится». Некоторые признаки этого уже есть, правда, на примере эволюции криминального жанра, который становится носителем морали и торжества добра над злом¹⁵. В противном случае состояние «нации-шизофреника» может стать хроническим.

Не надо думать, что превращение искусства в мифологию – чисто русская проблема. Это результат превращения популярного искусства в массовое. Если в романах Д. Ф. Купера расовый конфликт переходит в социальный¹⁶, то «вестерн», как и приключенческие романы на историческую тему, создают иллюзию разрешения конфликта, замещая социальные проблемы моральными и психологическими. Так возникает упрощенная или даже ложная версия истории. Дело доходит до того, что, к примеру, в романах Л. Ламура нет ни одного негра, даже если описывается жизнь Америки XIX–XX вв.¹⁷ Действующие лица делятся только на «белых» и «индейцев». Это картина иллюзорного прошлого, такого, каким его хотели бы видеть читатели с обыденными вкусами, предпочитающие не размышлять, а развлекаться, тогда как читатели Д. Ф. Купера и Г. У. Лонгфелло стремились соединять познание и удовольствие.

Произведения такого рода уже не могут быть источником достоверной информации ни о быте, ни о повседневности, ни о событиях истории. Эскапизм является реакцией на ощущение неблагополучия в реальном мире. Социокультурная реальность здесь становится «самодостаточной».

Массовое искусство, с одной стороны, приспосабливается к обыденным вкусам, а с другой – манипулирует ими. В процессе этой манипуляции обыденное сознание превращается в массовое. Поэтому можно согласиться с Л. И. Насоновой¹⁸, что массовое сознание – превращенная форма обыденного. Выдавая свои создания за действительность, как суррогат религии, массовое искусство, в свою очередь, становится превращенной формой искусства популярного.

Профессиональное искусство такого рода менее информативно, чем фольклор, не только для исследователя, но и для адресата. Обыденное мирозерцание получает в фольклоре поэтическую обработку, становясь обыденным художественным сознанием, в рамках которого сохраняется (и развивается) политическое, историческое и этическое обыденное сознание народа.

Американский фольклор знает свой вариант «благородного разбойника», отнимающего деньги у банкиров, чтобы спасти стариков-фермеров от разорения (Буш Кессиди)¹⁹. Из этого следует, что в глазах «низов» священна не любая собственность, а трудовая, связанная с землей. В художественной фантазии народ побеждает государство, которое в виде безличностных институтов стесняет его свободу и разоряет фермера. Однако социальные мотивы в американском фольклоре скорее исключение, чем норма.

Совсем другую картину демонстрирует русский фольклор. Фольклорные источники, связанные с именами Разина и Пугачева, доносят до нас комплекс образов-понятий, показывая народ, который не только уповаet на «героя-защитника» («атамана», «справедливого народного царя»), но и сам действует. «Родина», «отчизна», «общество», «правда», «право», «воля», «вольница» – это образы-понятия, выражающие социальный идеал более масштабный, чем у низов Америки.

Антиподом «плохой общности» (государство, банкиры) в американском фольклоре является «хорошая индивидуальность» (Буш Кессиди, Голден И. Кимбалл), а в русском – «хорошая общность» – «казачья вольница», «народная монархия» (с Пугачевым в качестве царя Петра III).

Мотивы социальной справедливости прослеживаются в русской сказке, уральских «сказах» и других фольклорных жанрах. Их диапазон достаточно широк, что и свидетельствует о значимости справедливости как ценности для русского национального сознания, причем ценности ментальной, а не инспирированной «высшими» этажами культуры, то есть не возникшей в результате пропаганды или манипуляции. Меньше всего при этом русский народ уповаet на законы и пресловутое «правовое общество» вкупе с либерализмом. «Фольклорной маской» справедливости становится «царь Иван», который вместе с вором идет грабить бояр, возвращая в казну то, что ими наворовано²⁰. Возможно, так в памяти народа своеобразно преломилась история «опричнины». Справедливость проявляется и в том, что успех всегда сопутствует «малому, да удалому» либо является наградой за мораль и чистоту души.

Если в американском переводе Иван Грозный превращается в Ивана Ужасного, это не ошибка переводчика, а ментальная черта. Для американцев государство ассоциируется с угрозой. Для русского же человека, напротив, самая жесткая и жестокая государственность лучше внешней

агрессии и боярского произвола, хотя «казачья вольница» предпочтительнее. Подобные несоответствия в фольклоре разных народов – источник информации об их менталитете.

Но и при изучении современности для философа, историка, социолога, культуролога или психолога важно опираться на работы фольклористов в процессе исследования мировоззрения и мироощущения народа. Специалисты забывают, что их наука – лишь одна из моделей, описывающих факты и создающих их, трансформируя объективную реальность и превращая ее в социокультурную. Такую ошибку совершают даже социологи и культурологи, если используют материал фольклора без учета его ситуативности и художественной образности. Так появляется утверждение о наличии лени как черты русского национального характера, которое обосновывается ссылками на наличие пословиц, где «обыгрывается» это качество (типа «работа не волк, в лес не убежит»). Но подобные пословицы в русском обиходе представляют форму порицания и мотивации к преодолению этой черты характера личности и способ передачи социального опыта борьбы с этим «недугом». Не отрицая возможности наличия лени как черты характера отдельных людей, фольклор дает оценку этому качеству с точки зрения общины, и оценку отрицательную.

Информация в фольклоре всегда ситуативна и эмоционально нагружена. Интонация расшифровывает смысл сказанного, так что адресат, в отличие от культурологов, социологов и этнопсихологов, изучающих письменные записи пословиц и других фольклорных текстов, практически никогда не ошибается относительно их смысла. Чтобы избежать субъективизма, двусмысленности в ответах, ошибочной интерпретации данных, может быть, имеет смысл сопоставить не пословицы друг с другом, а пословицы и картинки, воспроизводящие ситуации, в которых могут использоваться пословицы, и попросить респондентов сделать выбор подходящих сочетаний. Возможны и другие варианты, но искать их, видимо, следует через создание творческих групп, в которые войдут психологи, социологи, культурологи, фольклористы и философы.

¹ Как это случилось, к примеру, с русским термином «народники», который в англоязычной литературе переводится как «populists» («populists») (См.: Debreczeny, P. Social functions of literature. Alexander Pushkin and Russian culture. – Standford (Calif.), 1997. – P. 189, 202; Perrie, M. Folklore as Evidence of Peasant Mentalite': Social Attitudes and Values in Russian Popular Culture // The Russian Review. – Syracuse (N. J.), 1989. – Vol. 48. – № 2. – P. 140).

² При сопоставлении сюжетов возможна только аналогия, так как в качестве художественного события сюжет как содержательная форма уникален.

³ Стругацкий, А. Н., Стругацкий, Б. Н. Малыш // Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Стажеры. Фантастические повести. – М., 1991. – С. 303–442; Хайнлайн, Р. Пришлец в земле чужой. – СПб., 1993. – 448 с.

⁴ Семенов Пьер Александрович, или Малыш у Стругацких и Валентайн Майкл Смит у Хайнлайна.

⁵ Майя тоже реагирует на мужчин как на товарищей, с легким юмором. Стасю она говорит: «Что за телячьи нежности»; рыцарство Комова оценивает иронично: «Как мило. Великолепный жест».

⁶ Так, Комов берет на себя ее вину, чтобы избавить от жестокого, хотя и заслуженного наказания.

⁷ Увидев Майю в кофточке вместо скафандра, Стась понимает, что слышал не настоящий разговор Майи и Вандерхузе, а имитацию.

⁸ «Все мотивы человеческого поведения, все людские страхи и надежды проистекали от трогательно прекрасного способа размножения людей. То же самое было верно для Марса, только в зеркальном отражении» (Хайнлайн, Р. Пришлец в земле чужой. – СПб., 1993. – С. 99).

⁹ Если Комов и проявляет снисходительность, то скорее как старший к младшему, чем как мужчина к женщине.

¹⁰ Русские изображаются как агрессоры (стремятся отнять Луну у шведской фирмы с контрольным пакетом акций в США) (С. 32) и неумные и жестокие экспериментаторы, помещающие живой мозг в стеклянную банку (С. 152). Китай – как голодная страна; Индии приписывается превращение порнографии в религию, что свидетельствует об игнорировании философско-космологического смысла эротики индийского искусства. И наконец, араб Махмуд, одним из первых ставший Майклу духовным братом, без всякого основания получает прозвище «вонючка».

¹¹ Достаточно вспомнить имена А. Дюма-отца или В. Скотта.

¹² «С попутным ветром», «Одинокие боги», «Походный барабан».

¹³ «Князь Владимир».

¹⁴ «Золотая шпага» Ю. Никитина.

¹⁵ См.: Кутинов, А. Русский бестселлер // Лепта. – 1996. – № 33. – С. 231–235; Мазурин, М. Г. Массовая литература 90-х гг. в России: филос.-социол. анализ. нормативных аспектов формульных повествований : Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1997. – С. 17–19.

¹⁶ Натти Бумбо, воспитанный индейцами, оказывается жертвой «цивилизованных» белых соплеменников, ибо, независимо от цвета кожи, люди чистые, искренние и благородные со «стяжательством» несовместимы.

¹⁷ «Одинокие боги», «Чертова гора».

¹⁸ Насонова, Л. И. Обыденное сознание как социокультурный феномен. – М., 1997. – С. 187–192.

¹⁹ Wilson, William A. Folklore and History: Fact Amid the Legends // Reading in American folklore. – New York, 1979. – P. 461.

²⁰ Perrie, M. Folklore as Evidence of Peasant Mentalite': Social Attitudes and Values in Russian Popular Culture // The Russian Review. – Syracuse (N. J.). – 1989. – Vol. 48. – № 2. – P. 133.